

Більш пізні тексти, які поглинають в себе фрагменти та структурні елементи більш ранніх текстів, спричиняють їх синхронізацію та семантичне переломлення, але не позбавляють першочергового значення претекстів [1, с. 55].

Кожен текст є інтертекстом: інші тексти присутні в ньому на різних рівнях за різними способами впізнаваності формул. Кожен текст – нова тканина, зіткана із старих цитат. Інтертекстуальність не може зводитись до проблеми джерел і впливу, вона являє собою загальне поле анонімних формул, безсвідомих чи автоматичних цитат, які подаються без лапок. В аспекті інтертекстуальності кожен новий текст розглядається як певна реакція на вже існуючі тексти, а існуючі можуть використовуватися як елементи художньої структури нових текстів. Проте, спосіб авторської реалізації та інтерпретації тексту залежить від того, який спосіб лінгвістичної реалізації категорії інтертекстуальності вибере автор в кожному конкретному випадку.

Виявити інтертекстуальність можна, спираючись на визначені мовні маркери (способи реалізації різноманітними мовними та/або невербальними засобами), які присутні в кожному тексті, що містить інтертекстуальні елементи. Основними маркерами категорії інтертекстуальності в будь-якому тексті можуть бути цитати, алюзії, іншостильові вкраплення [5, с. 223].

Багатогранність трактування терміну «інтертекстуальність» зумовлена багатоаспектністю цього поняття. Доказом цього є існування різних видів інтертекстуальності, що породжує нові підходи до його вивчення.

Перспективу подальшого дослідження вбачаємо у дослідженні особливостей інтертексту в творах епістолярного жанру.

Література:

1. Анисимова Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов) / Е. Е. Анисимова. – М. : Академия, 2003. – 200 с.
2. Арнольд И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность / И. В. Арнольд. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 1999. – 400 с.
3. Женнет Ж. Фигуры : В 2 т. / Ж. Женнет. – М. : Изд.-во им. Сабашниковых, 1998. – 405 с.
4. Кристева Ю. Избранные труды : Разрушение поэтики / Ю. Кристева. – М. : РОССПЭН, 2004. – 365 с.
5. Мелентьева Ю. П. Чтение, читатель, библиотека в изменяющемся мире / Ю. П. Мелентьева. – М. : Наука, 2007. – 350 с.
6. Ястребов А. Л. Измерения культуры. Текст : теория, история, опыт чтения / А. Л. Ястребов. – М. : ЛЕНАНД, 2015. – 312 с.

УДК 811.111'371

Е. В. Безпалова,

Одесский национальный университет им. И. И. Мечникова, г. Одесса

СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СТРУКТУРНЫХ ЧАСТЕЙ АНГЛИКАНСКОЙ ПРОПОВЕДИ

В статье анализируются структурные составляющие текста англиканской религиозной проповеди: Введение, Наррация, Трактовка и Заключение. Материалом исследования послужили 14 устных традиционных проповедей, произнесенных во время англиканских богослужений. Анализируются семантико-синтаксические особенности традиционной англиканской проповеди.

Ключевые слова: проповедь, введение, наррация, трактовка, заключение, синтаксис.

СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧНА ОРГАНІЗАЦІЯ СТРУКТУРНИХ ЧАСТИН АНГЛІКАНСЬКОЇ ПРОПОВІДІ

У статті аналізуються структурні складові тексту англійської релігійної проповіді: Вступ, Наррація, Трактовка та Висновки. Матеріалом дослідження слугували 14 усних традиційних проповідей, вимовлених під час англійських богослужінь. Аналізуються семантико-синтаксичні особливості традиційної англійської проповіді.

Ключові слова: проповідь, вступ, наррація, трактовка, висновки, синтаксис.

THE SEMANTIC-SYNTACTIC ORGANIZATION OF THE ANGLICAN SERMON STRUCTURAL COMPONENTS

The article reports on the structural components of Anglican Sermon texts, seen as Introduction, Narration, Interpretation and Conclusion. The research has been carried out on the basis of 14 oral traditional sermons held during the public service in Anglican church. The semantic-syntactic peculiarities of the traditional Anglican sermon have been traced and analysed.

Key words: sermon, introduction, narration, interpretation, conclusion, syntax.

В последние десятилетия возрастает интерес исследователей к функционально-коммуникативным особенностям религиозных текстов (Т.М. Кругликова; О.Н. Морозова; В.М. Набиева; В.А. Прохвятилова и др.). Тем не менее, в лингвистической литературе нет работ монографического характера, посвященных собственно уровневому анализу текстов англоязычной религиозной проповеди, хотя данные тексты требуют изучения их самих как особого вида языковой коммуникации и особого типа коммуникативных актов, относящихся к специфической религиозной сфере общения. Подобное упущение обезпечивает актуальность настоящего исследования, посвященного инвентаризации семантико-синтаксических средств, характерных для традиционной англиканской проповеди.

Поставленная цель определила конкретные задачи исследования:

1. Обозначить структурные составляющие традиционной религиозной проповеди;
2. Исследовать семантико-синтаксическую организацию структурных частей традиционной англиканской проповеди. Материалом исследования послужили 14 устных традиционных англоязычных проповедей, произнесенных во время англиканских богослужений.

Являясь одним из составных частей ритуала богослужения, традиционная проповедь является элементом установленного символического действия, то есть действия, протекающего в определенном месте, в определенное время, при определенных обстоятельствах, по определенным принципам и правилам. К числу правил следует отнести, в первую очередь, правила религиозной морали, а также учет коммуникантами статусных характеристик друг друга [2, с. 88].

В религиозной проповеди предлагаем выделять следующие структурные составляющие – *вступление (введение), основную часть* (которая, в свою очередь, состоит из *наррации* – пересказа евангельского события или события, послужившего поводом данной проповеди, и *трактовки* – размышления проповедника по поводу изложенного в наррации) и *заключение*.

Введение – первая часть проповеди, которая служит для привлечения внимания слушателей и задает тон всему последующему тексту.

Традиційна проповідь чаще всего открывается цитатой из Библии, которая дает проповіднику імпульс к дальнішим размышленням на заданную цитатой тему, например:

'Jesus said, «Do not cling to me, for I have not yet ascended to the Father».

В данном случае инициальная цитата является не только отправной точкой для развития темы, но и ключевое слово из этой части «cling» и производные от него служат своеобразным рефреном во всех последующих частях проповеди:

- в основной части:

*There is a **clinging** to Jesus that shows itself in the longing to be utterly sure of our rightness;*

*We **cling to** what makes us feel most safely distant from evil.*

*Mary Magdalene tries to **cling** to a Jesus from the past, her past; her first outburst of joy comes from a conviction that the impossible has happened – that history has been reversed.*

- в заключении:

*We stop **clinging**, stop demanding that God will serve our need to be in the right. We make our mistakes and we own them.*

Многочисленное обращение к ключевому слову, заявленному во введении в рамках цитируемого из Евангелия или других источников высказывания часто используется проповедниками в их речах. Такой прием способствует более логичному развертыванию мысли (особенно в части «трактовка») и, как следствие, лучшему восприятию и запоминанию текста слушателями.

Праздничные пасхальные проповеди в большинстве случаев открываются традиционным пасхальным приветствием *Christ is risen!* в различных вариантах. В большинстве случаев проповедники ограничиваются однократным или троекратным произнесением пасхального возгласа *Christ is risen!* в самом начале проповеди.

В праздничных рождественских проповедях началом может послужить обращение к традиционным рождественским песнопениям – *Christmas carols*, в которых не только воспевается рождение Христа, но и содержатся важные вероучительные моменты:

*One of the great treasures of the Christian world is the great heritage of Christmas songs and carols in the English language from the Middle Ages. Modern composers still want to set these beautiful and often surprising words. Some will have heard the carol beginning '**There is no rose of such virtue as is the Rose that bare Jesu**' – which picks up the ancient tradition of describing Mary as the rose blossoming from the wintry earth of human history.*

В традиционных проповедях, сопровождающих свершение различных таинств и обрядов, также часто используется инициальная цитата, служащая как отправной точкой проповеди, так и основной ее темой. Однако в этих проповедях священники не ограничиваются использованием Библейских источников, а обращаются также к словам известных писателей, поэтов, ораторов и т. д., например:

«Home is where one starts from». Those are the striking words of T.S. Elliot towards the end of his great poem «East Coker». For most of us home is a precious word and a special place, cherished above all by those of us whose lives have been cradled in love, affection and happiness. A gift indeed without price.

Часто проповедник начинает свою речь с серии вопросов по данной проблеме, обращенных одновременно к себе самому и к слушающим. Такая форма вступления побуждает прихожан задуматься о сути подлежащей обсуждению проблемы, ожидать ответов на поставленные вопросы и одновременно самостоятельно размышлять над ними. Таким способом проповедник уже в самом начале своей речи вовлекает аудиторию в процесс размышления и рассуждения:

*Whenever we think of theft, we think first of the armed man who breaks into our house, or who hijacks the car at the traffic light. And rightly so, for nobody has the right to take property that does not belong to them. **But, what about the wealthy person who exploits the poor in order to become more wealthy still? Or the person of office who exploits their position of power? Our news reports abound with examples of corrupt business people and politicians. Which is the greater evil? The poor man stealing for survival or the wealthy exploiting their position?***

Наиболее частотным синтактико-стилистическим приемом во введении проповеди являются повторы, в частности, анафорические повторы, которые, во-первых, привлекают внимание слушающих к выделяемым при помощи повторов словам, а, во-вторых, упорядочивают логическое восприятие передаваемой информации. Приведем пример серии анафорических повторов, придающих особый ритмический рисунок высказыванию:

*The same story? **In both** Jesus prays alone; **in both** there is a revelation of the Father; **in both** those three friends shrink in terror.*

Вступление традиционной англиканской проповеди характеризуется активным использованием восклицательных конструкций (37,9% всех средств экспрессивного синтаксиса). Высокий процент использования восклицательных конструкций в зачине проповеди достигается за счет праздничных (в частности, пасхальных) возгласов, с которых проповедник начинает свою речь. Кроме того, зафиксирован высокий процент использования различного рода повторов (26,7%).

Итак, начало своей речи проповедник может построить разными способами, следуя каждый раз одному и тому же коммуникативному намерению – добиться от слушателей внимания, предварительного понимания и предварительного сочувствия. Соответственно, введение в проповедь демонстрирует большое разнообразие синтактико-стилистических приемов и их сочетаний.

Как уже отмечалось выше, основная часть проповеди включает *наррацию* и *трактовку*.

Наррация в тексте традиционной проповеди всегда ведется от третьего лица. Священник пересказывает библейский сюжет. Это простое, короткое повествование с быстро разворачивающимся динамичным действием. Преимущественно используются предложения, в которых преобладает семантика действия. Связь между пропозициями осуществляется при помощи союзов и наречий времени. Часто проповедники используют прием полисиндетона, основанный на повторе союза *and*, который создает эффект динамичности и последовательности действий:

*The householder has organised a very big supper and has invited his closest friends. **And** we know that when these friends were called they all refused, for various reasons – excuses. Then the householder sent his servants to gather people from the streets; **and** once the house was almost full he saw that more places were empty, **and** he sent his servants a second time to go to all the lanes and bring in those who were lame and sick and blind – everybody. **And** eventually the house became full. **And** the teaching of this parable is that many are called but few are chosen.*

Интересно отметить, что прием полисиндетона, основанный на повторе союза *and*, является неизменным атрибутом в Евангельских Книгах: практически каждый стих, содержащий в себе описание событий, начинается с союза *and*. Возможно, проповедники в этой части проповеди следуют манере изложения евангелистов, таким образом приближая свое повествование к евангельскому. Для большей приближенности описываемого события к нашим дням, проповедники ве-

дут свое повествование в настоящем времени. Чаще всего это происходит в случаях, когда при этом приводятся диалоги Христа с евангельскими персонажами:

And when the lawyer – unable even to pronounce the word ‘Samaritan’ when this would be a compliment – says, ‘He that showed mercy to him’, Jesus replies quite simply, ‘Go, and do thou likewise’.

Для *нарратива* в тексте проповеди характерно частое использование в тексте повторов (которые могут входить в параллельные синтаксические конструкции), обеспечивающих увеличение эмоциональной напряженности высказывания и способствующих четкой ритмизации повествования. Ритмичность речи способствует привлечению внимания и снижению степени сложности информации:

They see, as it were, that behind and within the human flesh and blood of Jesus there is an unbearable light and glory: a radiance better than any light on earth. They see that His flesh and blood – though it is flesh and blood just like ours – is soaked through with that glory and brightness which is the work of God. They see that His human nature is shot through with God’s own freedom. And then at the other end of Lent they see that that radiance, that glory and brightness and liberty, is exercised and made real in accepting the pain of the cross for the love of humankind. They see that the blinding power of God is exercised not in crushing and controlling, but in the sacrifice of love.

Приведенный пример из воскресной проповеди иллюстрирует не только использование повторов в повествовательной части проповеди, но и демонстрирует владение проповедником ораторским мастерством, которое проявляется в умении сочетать изложение событий с рассуждением, с оценочностью. Помимо анафорического повтора *they see*, в этом отрывке используются лексические повторы *love, flesh and blood*, синонимические повторы *liberty/freedom, light and glory/radiance/brightness*, придающих образность и экспрессивность речи проповедника.

Кроме информирующей роли, которую *нарратив* играет в проповеди в первую очередь, оно направлено также на эмоциональное воздействие на слушающих, чему способствуют различные риторические приемы, используемые проповедником: обращение к слушающим, параллельные конструкции, использование фактора субъективности и т.д.

Относительно степени участия основных средств экспрессивного синтаксиса в организации нарративной части проповеди следует выделить, в первую очередь, активное использование различного рода повторов (36,6% экспрессивных средств) и, во-вторых, использование приема полисиндетона (22,6%). Кроме того, активно используются параллельные (14,2%) и эллиптические конструкции (12,6%), реже имеют место восклицательные (5,7%) и вопросительные (5,1%) конструкции.

Основная идея проповеди – тезис – должен быть определенным образом истолкован. Согласно Аристотелю, тезис есть некоторая проблема, «тезисы суть предложения, для доказательства которых у нас есть довод, противный общепринятым мнениям» [1, с. 361]. Истинность тезиса обосновывается с помощью аргументов, или доводов, которые говорящий выдвигает в поддержку выдвинутого им тезиса и которые должны обладать неоспоримой доказательной силой для тех, кому адресована его речь.

В процессе доказательства основной идеи проповеди оратор, как правило, положительно оценивает высказывания, подтверждающие тезис, и отрицательно – высказывания, противоречащие тезису. Такого рода оценка играет большую роль в построении речи проповедника. Для соединения различных аргументативных высказываний в логически правильные и стилистически корректный текст используются утверждения, называемые в теории аргументации связками.

Тот факт, что проповедь относится к текстам аргументирующего типа, определяет и основную часть проповеди – *трактовку*. Необходимо отметить, что в текстах исследуемых проповедей *трактовка* отличается наибольшим объемом (около 60% всего текста). Именно в этой части проповеди наиболее наглядно проявляется направленность на адресата, апеллятивная функция языка. Задача проповедника в *трактовке* – проинтерпретировать повествование, убеждая слушающих в правильности и незыблемости евангельских законов. В качестве аргументов или доводов для доказательства в проповеди используются факты действительности, примеры из личного жизненного опыта проповедника, обращение к современным политическим событиям, сценам из повседневной жизни, цитация других мест Евангелия:

If we put these two passages together, we see that in the Parable of the Good Samaritan Jesus is asking the lawyer – and us – to be and act like God. God is ‘a God of mercies and of bounties’, and we are to be merciful as well. We have here the same maximalism that is found in the Fathers. For the Fathers, ‘God became man, that man might become God’. Not God by nature – the givenness of our created nature cannot be changed – but God by grace – in Christ, the Son of God become the Son of Man.

В этой части проповеди отражается сложный путь постижения истины. *Трактовка* состоит из целого ряда суждений, относящихся к данному предмету или вопросу, которые следуют одно за другим таким образом, что из предшествующих суждений необходимо вытекают или следуют другие, в результате чего на поставленный вопрос дается ответ. В изученных проповедях *трактовка* чаще движется от конкретного к абстрактному, т.е. формулировка проблемы и ее рассмотрение вытекают из отдельного примера, иллюстрации, конкретного утверждения или рассуждения, а затем переходят в рассуждения более абстрактного характера. Индуктивно-дедуктивный способ развития мысли и причинно-следственная связь явлений находят выражение в структурной соотнесенности предложений, отражающей движение, развитие, сцепление мыслей.

В основной части усложняется логическая структура проповеди, что приводит к появлению разветвленной системы синтаксических отношений. Развитие мысли обуславливает выделение какого-либо слова или словосочетания в предшествующем предложении, которое повторяется, распространяется в последующем предложении. Последовательное нанизывание таких предложений создает эффект бесконечной логической цепочки, ведущей к кульминационному моменту проповеди.

Самыми частотными синтаксическими фигурами в *трактовке* всех видов проповеди являются параллельные конструкции. Частичный или полный параллелизм, часто включающий в себя и лексические повторы, придает тексту *трактовки* логичность, ритмичность и экспрессивность:

God will lay bare all the ways we hide from Him not to be punished, all the things we do not to stop being human.

Исследование частотности использования синтаксико-стилистических приемов в части *трактовки* обеих групп проповедей, во-первых, не показало существенных отличий между группами проповедей, а, во-вторых, помимо параллельных конструкций и повторов, не позволило выявить других синтаксических фигур, регулярно используемых проповедниками в этой части проповеди. На наш взгляд, отсутствие дифференциальных признаков на синтаксическом уровне в части *трактовки* объясняется тем, что толкование определенных положений и рассуждения о них не зависят от тематической направленности речи, а подчиняются общим риторическим законам.

Заключительная часть проповеди играет важнейшую роль в композиционном строении речи. Заключение преследует двоякую цель: суммировать в сознании слушателей общую картину всего сказанного и вызвать у них определенные чув-

ства, оказать на них эмоциональное воздействие, призвать к определенным действиям. Исходя из целей заключительной части проповеди, проповедники используют целый ряд синтактико-стилистических приемов.

Чтобы придать заключению обобщающий характер, суммировать вышесказанное и вывести вывод по основной идее проповеди, проповедники чаще всего используют параллельные синтаксические конструкции, таким образом как бы называя вышеперечисленные в основной части положения проповеди, при этом придавая им смысловую и экспрессивную насыщенность. Примером такого заключения может служить заключительная часть пасхальной проповеди Архиепископа Кентерберийского Р. Вильямса, в которой активно используются частично параллельные конструкции:

And so we follow Jesus, 'justified' by his gift of love alone. We pray and trust that he will, bit by bit, deliver us from evil, inside as well as outside. We turn our eyes away from the seductive image of a righteous, settled soul with nothing more to learn or to repent. We keep our eyes on Jesus and follow his gaze – towards the Father's heart. We stop clinging, stop demanding that God will serve our need to be in the right. We make our mistakes and we own them. We are justified by faith, as we resolve to follow the risen Jesus into the unknown depths of God's life; and if we can begin to live out such a faith in the resurrection, we shall, with Mary, prompt others to come and ponder the empty tomb and take the first steps on Jesus's path.

Для того, чтобы не только оказать эмоциональное воздействие на слушающих, но и призвать их к определенным действиям, проповедники в заключительной части своей речи чаще всего используют повелительные конструкции от первого лица множественного числа. Такое окончание проповеди несет на себе не только призывную функцию, но и функцию общехристианского объединения:

So, let us begin to think in terms of action: we are what we do. Just as Christ was what He did. He was – and was known to be – the Son of God because He did what God does: He was merciful. Let us learn to be merciful, to forgive.

На основании вышеизложенного приходим к следующим выводам:

– Для выполнения коммуникативной задачи каждой из частей проповеди проповедники используют определенный набор формальных языковых средств, в частности, средства экспрессивного синтаксиса;

– Для *вводной части* проповеди, преследующей своей целью привлечение внимания аудитории и обеспечение ее предварительного понимания и сочувствия, характерно использование различного рода повторов (в основном, анафорических и рамочных), вопросительных конструкций (большей частью, в альтернативной проповеди) и восклицательных конструкций (в основном, в традиционных праздничных проповедях).

– *Основная часть* проповеди, включающая в себя наррацию и трактовку, характеризуется большим по сравнению с введением разнообразием стилистических приемов. Для *наррации* наиболее характерными являются повторы, эллиптические конструкции, полисиндетон. В *трактровке* к наиболее частотным формальным средствам реализации логических отношений между пропозициями следует отнести параллельные синтаксические конструкции, способствующие достижению логической связности текста. Необходимо отметить, что, рассматривая основной текст проповеди, нельзя говорить о линейном следовании *трактровки* вслед за *наррацией*, так как в описание событий может быть включено рассуждение о них, а *трактровка*, в свою очередь, может сопровождаться повествованием для достижения большей наглядности и подкрепления аргументации с помощью фактов.

– *Заключительная часть*, призванная, с одной стороны, суммировать вышесказанное, а с другой – вызвать эмоциональный отклик у слушателей и призвать их к определенным действиям, характеризуется наиболее частым использованием параллельных конструкций для достижения первой цели и восклицательных и повелительных конструкций I лица множественного числа – для осуществления воздействия.

Перспективу данного исследования видим в сравнении семантико-синтаксической организации традиционной англиканской проповеди и проповеди альтернативной.

Литература:

1. Аристотель. Риторика / Аристотель // Античные риторика. – М. : Мысль, 1978. – С. 15 – 166.
2. Тарасова И. П. Концептуальные основы исследования общения / И. П. Тарасова. – М. : АН СССР, Ин-т яз-ния, 1990. – 117 с.

УДК 811.161.2'373

М. В. Бойчук, В. М. Бойчук,

Національна академія внутрішніх справ, факультет № 3, м. Івано-Франківськ

КОМПОЗИЦІЯ ТА ЮКСТАПОЗИЦІЯ ЯК ЗАСІБ НОМІНАЦІЇ В ЗАГОЛОВКАХ ПЕРІОДИЧНИХ ІНТЕРНЕТ-ВИДАНЬ

У статті проаналізовано одиниці монолексемної організації (композиції, юкстапозиції) як інновації у заголовковому комплексі, визначено граматичні параметри компонентів, продуктивні моделі.

Ключові слова: заголовок, неологізм, композит, юкстапозит, лексеми-компоненти.

COMPOSITION AND JUXTAPOSITION AS A MEANS OF NOMINATION IN PERIODICAL ONLINE EDITIONS

Language of press has a number of characteristic features defined by its creative nature and determinative functions. The language itself stands for the sphere or research field of constant search of new means for readers' persuasion and influence creating, in this way, vast possibilities for appearing new words – neologisms – of different structure and semantics. Neologism as a new lexical unit is a linguistic sign of certain concept determined by cognitive structure of native speaker. Formally it can be presented as a single compound word (composites, juxtaposites) or a phrase, which is an analytical morpheme.

This article deals with the units of monolexemic organization (composites, juxtaposites) as innovations functioning in the headings of online editions, reveals the complex mechanism of productive derivative models and the linguistic nature of different motivations.

The objective and attributive relations between the components of innovative composites are being analyzed, along with the origin (Ukrainian or foreign) and semantic structure (figures, proper or common names representing the first or second element of neologism) of constituent parts of juxtaposites in the headings of periodical online editions. The grammatical parameters of their components and productive models are also defined. Linguistic analysis reveals that nouns are most often used as components of monolexemic innovative units.

Keywords: heading, neologism, composite, juxtaposite, lexemes-components.